

312.743

**ФАШИЗМ—
ЛЮТЫЙ ВРАГ ЖЕНЩИНЫ**

ОГИЗ

1941

Саратовское областное государственное издательство

С а р а т о в

ФАШИЗМ и ЖЕНЩИНА

«Германия переводит часовую стрелку назад»,—так называлась книга американского журналиста, изданная вскоре после захвата власти гитлеровцами.

Во всех областях культуры и цивилизации германский фашизм стремится перевести стрелку истории назад, и притом не на часы и не на дни, а на тысячелетия. Одной из наиболее ярких иллюстраций этого является отношение фашизма к женщине.

Освобождение женщины, ее активное участие в общественной и культурной жизни, как известно, представляет собой одну из важнейших сторон истории человеческого прогресса. Положение женщины в той или иной стране служит зачастую показателем всего уровня культурного развития этой страны. Лучшие представители человечества настойчиво боролись за освобождение женщины.

«Каким верным, сильным, пронизательным умом одарена женщина от природы»,—говорил Чернышевский устами героя романа «Что делать?» Лопухова.—«История человечества пошла бы в десять раз быстрее, если бы этот ум не был отвергаем и убиваем, а действовал бы».

В этом же смысле высказывался Горький.

«Нет никакого сомнения,—писал он,—в том, что если б женщину не уродовали, стесняя искусственно круг ее интересов, возлагая на нее только обязанности наложницы, матери, домоправительницы и отталкивая от широкой общественной, культурно - политической работы, —

скорость развития культуры была бы вдвое более быстрой...».

Историческое развитие общества—от рабовладельческой древности до наших дней—идет в направлении все большего освобождения женщины, все большего расширения круга ее деятельности, ее интересов. Вершины общественного прогресса в этом отношении достигло наше советское общество, где женщины заняли совершенно равноправное место рядом с мужчинами в производстве, в общественно-политической и культурной жизни страны.

Злейший враг исторического прогресса, культуры и цивилизации—гитлеровский фашизм является заклятым врагом освобождения женщины.

Германские фашисты пошли куда дальше старой немецкой проповеди трех женских идеалов: «кухни, церкви и детей» — «Küche, Kirche, Kinder». «Наш идеал женщины,—провозгласил в «Моей борьбе» Гитлер,—чтобы она в состоянии была рожать нам новое поколение здоровых мужчин».

Германские фашисты злобно издеваются над участием женщин в общественной жизни. Для фашистов роль женщины ограничивается одним лишь производством детей. Гитлеровцы лишают женщину даже возможности заниматься воспитанием детей, и это понятно: только фашистское государство может выращивать из детей зверей и бандитов, нужных Гитлеру.

Женщина—это орудие для воспроизводства «чистой», «нордической» расы—вот тезис гитлеровцев.

Не случайно, видимо, главным «идеологом» германского фашизма в женском вопросе является

ся министр земледелия Дарре, животновод по специальности. Поскольку гитлеровцы свели женский вопрос к зоотехнике, иначе и не могло быть.

Трудно представить себе что-либо более омерзительное, чем статьи и речи Дарре, собранные в толстую книгу под громким заглавием «За кровь и землю». Характерно, что одна из первых статей в книге озаглавлена: «Задача разведения германского народа».

«История разведения скота имеет за собой тысячелетия»,—так начинается эта статья. Дарре громит тех, кто считает, что слово «разведение», как заимствованное из области животноводства, безнравственно, по меньшей мере непристойно применять к людям.

«Нравственно то, что требуется для сохранения породы немецкого народа, безнравственно то, что противостоит этому»,—вещает этот идеолог скотного двора и случных пунктов.

Поэтому брак в том значении, которое придается ему культурными и цивилизованными народами, не существует для германских фашистов.

«Брак не является самоцелью,—вещает Гитлер,—он должен служить более высокой цели—размножению и сохранению вида и расы».

Следуя за фюрером, фашистский обер-зоотехник Дарре рекомендует учить немецких юношей «так, чтобы они оценивали представительниц другого пола в отношении их годности, как будущих матерей своих детей».

О человеческих чувствах мужчины и женщины не может быть и речи.

«Любовь еще никого не делала зрячим, но, как известно, делает людей слепыми»,—изрекает

Дарре, проповедуя превращение Германии в конский завод для производства «расы господ».

Поистине, учебник зоотехники является лирической поэмой в сравнении с отвратительными книжками Дарре и подобных ему представителей «нордической расы».

Предвидя, что женщину не удастся убедить в том, чтобы она добровольно отказалась от своих человеческих прав, германские фашисты уже давно стали проповедывать открытое насилие. Гитлер в «Моей борьбе» призывал к тому, чтобы проводить фашистскую линию в вопросе о воспроизводстве расы, «не смущаясь никакими предрассудками».

Дарре требовал «всеми, какими только можно, средствами стремиться к тому, чтобы сохранить и умножить творящую кровь, — кровь людей нордической расы».

«Политику совершенно безразличен вопрос о том, как будет происходить передача наследственных признаков», — заявлял этот идеолог насильников.

Вслед за «теорией» последовала практика.

Резкое снижение прироста населения в Германии за время господства фашистов, огромные мобилизации, наконец, людские потери на войне — все это взволновало фашистских руководителей. В гитлеровских журналах появились статьи с призывами к немецким девушкам: «выполнить свой воинский долг — стать матерями детей солдат, уходящих на фронт».

«Брак тут не при чем», — цинично заявил начальник гестапо Гиммлер. В качестве «производителей» были предложены находящиеся в тылу солдаты охранных отрядов СС.

У пленных гитлеровских офицеров и солдат

нередко находят непревзойденные по своей гнусности «документы» — членские билеты и даже «уставы» специальных обществ производителей-насилльников.

Наконец, нынешние заправилы Германии приступили к разрешению проблемы воспроизводства населения «в организованном порядке». На специальном секретном совещании у Гитлера было принято чудовищное решение: прикрепить немецких девушек и женщин к «группам чистой расы»,—иными словами, создать целую систему случайных пунктов.

Так германский фашизм переводит назад часовую стрелку истории—от человека к животному.

Гитлеру и его приспешникам мало того, что они отняли у женщин их мужей, сыновей, братьев и истребляют их в губительной для гитлеровской Германии, преступной, разбойничьей войне против СССР. Фашистам мало того, что они обрекли на голод и вымирание миллионы детей. Гитлеровцы низвели женщину до положения животного, они хотят лишить женщин человеческого облика, отправляя их в солдатские публичные дома в оккупированных странах или на случайные пункты в самой Германии.

Но гнусные преступления германских фашистов неизбежно приводят к опасному для них результату—к все более и более активному участию женщин всех стран в борьбе с гитлеризмом.

Фашизм отнимает у женщины ее близких, ее честь, ее человеческое достоинство, ее жизнь. Женщины сыграют важнейшую роль в разгроме и окончательном уничтожении фашизма.

Н. Леонидов

«Правда» от 21.VIII-41 г.

ГЕРМАНСКИЙ ФАШИЗМ—РАЗРУШИТЕЛЬ СЕМЬИ

«Моногамия есть извращение, и она ведет к порче расы», — пишет гитлеровский «философ» Берман. «Еще профессор Вит-Кнудсен указывал на то, что без временного господства полигамии не мог бы возникнуть германский народный поток прошлых столетий», — пишет Розенберг в своей книге «Миф XX столетия».

Гитлеровские «философы» от случайных пунктов и публичных домов восторгаются древними германцами, которые не знали брака между одним мужчиной и одной женщиной, то-есть не знали семьи, основанной на моногамии, единобрачии. Они хотят вернуть германский народ к тем временам, когда каждый германец был мужем каждой германки своего поколения, сыновья не знали отцов, а отцы—своих детей, и мужчины жили «товариществами», «дружинами», особняком от женщин.

В согласии с этой «философией» публичного дома и «моралью» свального греха гитлеровские политики ведут борьбу с институтами брака и семьи. Эта борьба носит систематический характер; она отражена в практике современного германского законодательства в жизни гитлеровской школы, казармы, в пропаганде унифицированной гитлеровской печати.

Законодательство гитлеровской Германии систематически унижает женщину, мать семейства и жену. Нацистский «теоретик» брака Гозенфельдер писал: «Гитлер указал путь женщине, которая должна быть служанкой мужа, родильной машиной, обязанной дать жизнь многим детям, так как стране нужны солдаты».

Как известно, женщина в гитлеровской Герма-

нии лишена права занимать общественные должности, не может работать в области свободных профессий; ее систематически унижают в общественных местах; гитлеровцы гордятся тем, что смотрят на женщину так, как крестьянин смотрит на свою корову. Корова дает крестьянину молоко и телят; настоящий мужчина-ариец получает от своей женщины детей и услуги, постель и питание. Идеал германской женщины в глазах Гитлера и его верных последователей — послушная, трудолюбивая и многоплодная скотина. Еще император Вильгельм II определил место женщины знаменитыми четырьмя «К» — *Kinder, Küche, Kirche und Kleider* — «Дети, кухня, церковь и платья». Но Гитлер отнял у женщины право на семейный очаг, право на любовь мужа и детей. Требуя от женщины, чтобы она превратилась в родильную машину, гитлеровское законодательство и гитлеровская пропаганда лишают женщину материнских прав на сыновей.

— Мать с первого дня рождения ребенка должна воспитывать его, как будущего воина. Все — от букваря до газеты, театра и кино в жизни ребенка, отрока, юноши должно быть направлено к этому. — Так писал Гитлер в своей библии людоедов «Мейн кампф». И женщине он боялся полностью доверить воспитание будущего взрослого «белокурого зверя». Поэтому мальчики, отроки, юноши должны быть как можно скорее изъяты из-под материнской опеки. В трехлетнем и четырехлетнем возрасте мальчики учатся маршировать под звуки фашистских песен вроде нижеследующей:

«Солдаты не спрашивают,
Они стреляют, колют, рубят».

Презрение к матери, которая не способна носить оружие, не способна уничтожать чужие жизни и лишь родит в муках детей, которые никогда не будут и не должны ей принадлежать,—такова основная черта нацистского воспитания.

Женщина не может быть наследницей мужа или брата—крестьянина. Гитлеровское законодательство о наследственном крестьянском дворе фактически лишает мать и жену наследственных прав и ставит ее в зависимость от произвола старшего сына и брата.

По мнению фашистского «социолога» Бюлера и в согласии с официальным учением «нацизма», любовь в браке не только не является обязательным условием, но на самом деле служит помехой для достижения основной цели—обеспечения чистого в расовом отношении потомства. Другой фашистский «теоретик» — Шуман писал: «Каждый ариец должен жениться на светловолосой арийке с синими, широко раскрытыми глазами, удлинённым овальным лицом, белорозовой кожей, небольшим ртом и носом правильной формы. Синеглазый светловолосый мужчина-ариец не должен и помышлять о женитьбе на брюнетке средиземноморской расы с короткими ногами, черными волосами, полными губами, курносой и склонной к полноте». «Вовсе не важно, чтобы мужчина и женщина находили удовлетворение в браке; гораздо важнее, чтобы их дети были чистой расы. Если чувство мужчины имеет еще какое-то значение, ибо Германия нуждается в потомстве, то уж так называемая любовь женщины не имеет вовсе никакого значения».

Исходя из этого представления о ненужности любви для деторождения, тот же ранее цитиро-

ванный нами Берман писал: «К счастью, у нас достаточно германских парней с доброй волей и хорошо приспособленных. А один парень может оплодотворить двадцать девушек».

Вместо семьи, основанной на взаимной любви мужчины и женщины, ряд фашистских «философов» выступает в защиту «новых» отношений, основанных на «чувствах» мужчин друг к другу. Хорошо известно, что у многочисленных видных нацистских вождей, начиная от Гитлера и Гесса, теория не расходится в данном случае с практикой гомосексуальных отношений. Среди нацистских штурмовиков, охранников, полицейских чинов и политических руководителей половые извращения свили себе прочное гнездо. Семья для этих людей не существует как сдерживающее начало. Похоти этих мерзавцев из правящей клики открыта широкая дорога. Поведение физического и нравственного уroda Геббельса служит притчей во языцех для всей Германии. Рудольфа Гесса привыкли называть, по отзыву американского журналиста Бейльса, «мадам Гитлер». Гиммлер содержит гарем молодых женщин и юношей. Такой пример является, конечно, заразительным и для тех, кто стоит на следующих ступенях гитлеровской шайки.

Гитлеровский режим ознаменовался массовым расторжением браков под давлением нацистского государства. Так, расторгались браки между немцами и представителями национальных меньшинств — поляками, евреями, чехами. Расторгнуты были браки и с немцами, которые участвовали в антифашистских выступлениях или антифашистских политических группировках. У отцов и матерей неарийского происхождения, состоявших в браке с германцами и германками,

отнимались права на детей, родившихся в таком «смешанном» браке. Точно так же нацистское государство с величайшей жестокостью лишало родительских прав над детьми всех антифашистов.

В широком масштабе прибегало и прибегает нацистское государство к стерилизации мужчин и женщин, которые кажутся гитлеровцам опасными для режима. Этой системой мероприятий, разрушающих семью и брак, затронуто огромное число людей,—никак не менее двух миллионов семейств в самой Германии, не считая множества семей в оккупированных немцами областях с той или иной прослойкой немецкого населения, например, в Эльзас-Лотарингии, в западных областях Польши, в «протекторате» Чехия и Моравия и Судетской области. К этому надо прибавить миллионы разбитых гитлеровцами семей в результате насилий гитлеровцев во временно захваченных ими областях Европы.

Если нет для гитлеровцев необходимости в любви между мужем и женой, то не признают они и уважения детей к родителям. В гитлеровских организациях молодежи учат систематически доносить на родителей, следить за их поведением, сообщать о высказываемых ими взглядах. Гестапо систематически пользуется материалами о родителях, собранными с помощью молодежных организаций, — через детей. Показания детей считаются достаточными, если они «изобличают» родителей, хотя бы дети не достигли положенного по закону совершеннолетия. Родители являются для национал-социалистского государства не более чем производителями потомства, нужного для армии, и место семьи поэтому должна занять казарма.

Пока ребенок остается в семье, последняя должна готовить его для казармы. Но и это дело доверить семье Третья империя не решает. Поэтому и в школе преобладают казарменные элементы; после школы молодежь попадает в трудовые лагеря, из которых подростки возвращаются в семью навеки морально испорченными, а девушки—сплошь и рядом — обесцеленными, ибо их отдают в услужение местным кулакам и помещикам из руководителей штурмовых отрядов, а эти, как известно, не стесняются. Трагедиям на этой почве несть числа.

Свои «культурные достижения» в области разрушения брака и семьи гитлеровская Германия несет в оккупированные и временно захваченные ею страны; ими собирается Гитлер «облагодетельствовать» весь мир. Насилие над женщиной в покоренной стране Гитлер считает «священным правом» германского солдата. Апеллируя к низменным чувствам подонков общества, к зверю в современном немце, Гитлер пытается разрушить институт брака и семьи, создававшийся поколениями человеческой истории. В борьбе с гитлеризмом свободолюбивые народы защищают то, что дорого каждому здоровому в моральном отношении человеку,—отца и мать, дочь и сына, семью и брак, основанный на любви, защищают цивилизацию от зверей-людоедов.

И. Звавич

«Известия» от 9.X-41 г.

УЧИТЕЛЬНИЦЫ-ГЕРОИНИ

Враг нагрязнул внезапно, и три учительницы застряли в своем селе.

Село Липовки стоит в стороне от больших дорог, и немцы задержались в нем лишь несколько часов. Назначив «старосту», они умчались куда-то на своих машинах. Потом они появлялись редко. Обычно это сопровождалось грабежом, скандалами, избиениями. На эти часы все прятались в погреба или убегали на огороды.

В один из таких вечеров три советских женщины увидели в воротах школы старого сторожа сельсовета и спросили, чего ему надо.

— Мария Павловна, — обратился старик к старшей из трех учительниц. — Требуют к себе эти...

— Меня?

— Да. И Нину Ивановну и Анну Сергеевну.

Женщины заявили, что они заняты и никуда не пойдут.

— Я говорил им, что поздно уже, темно, хоть глаз выколи. — ворчал старик, выходя из школы.

Потом явились три немецких солдата и командовали одеться, итти. Учительницы отказались. Их вытолкали из комнаты прикладами и так, все время подталкивая, прогнали через село.

В просторной избе, где раньше помещался сельсовет, был поставлен стол, накрытый белой скатертью. Офицеры, изрядно подвыпившие, обернулись к вошедшим женщинам. Один из них, пошатываясь, предложил вошедшим сесть за стол.

Что могли предпринять в таких условиях три женщины? Они видели, что перед ними —

безжалостное, лютое зверье, что в каждом из этих офицеров таится враг, садически-жестокий, разнузданный, циничный. Женщины сделали вид, что подчиняются, и сели.

Забулькало вино из бутылки, но Мария Павловна сказала, что она не пьет.

— Я тоже.

Две подружки вслед за первой отодвинули стаканы.

Видя, что женщины отказываются от выпивки, один из офицеров стал вливать вино в рот Марии Павловне силой, через стиснутые зубы. Другие офицеры начали проделывать то же с Ниной Ивановной и Анной Сергеевной.

— Хорошо, я выпью, — сказала Мария Павловна.

Потому ли, что она была старшей среди них, или потому, что в ее голосе послышалась какая-то особая интонация, но две других учительницы также сделали вид, что уступают.

Мария Павловна незаметно выплеснула вино под стол, а стакан приставила ко рту. То же сделали ее подружки. Они старались опить офицеров, надеясь благополучно выбраться домой. Но солдафоны нагнали.

— Простите, я на минуточку, — сказала Мария Павловна и удалилась из комнаты.

Время шло. Ее отсутствие становилось все заметнее. Офицер, сидевший рядом с ней, вылез из-за стола и нервно ходил по комнате. Он уже направился к двери, когда появилась сияющая, веселая Мария Павловна.

— А вот и я.

В разгаре пира Мария Павловна что-то шепнула подругам, и те выбежали из комнаты.

Теперь, после возвращения Марии Павловны,

отлучка женщин не вызвала подозрений. Один из офицеров уже валялся мертвецки пьяный в углу. Другой переливал вино из стакана в бутылку. Третий целился из пистолета в плакат на стене.

— Если ваши подруги не вернутся, вам придется держать ответ за них, — сказал Мария Павловне офицер.

— Подождите.

Мария Павловна встала, взяла лампу, склонилась над стеклом и вдруг изо всей силы ударила лампой о стол. Вспыхнула скатерть. Женщина метнулась к двери, захлопнула ее снаружи, дрожащими руками накинула железную петлю на скобу и закрепила гвоздем.

С двух углов изба уже была об'ята пламенем. Нина Ивановна и Анна Сергеевна подожгли третий угол. Мария Павловна подхватила немолоченный сноп и, приставив его к окну, зажгла горящей головней.

Из избы слышались крики. От ударов ногами дрожали дверь и стены. Одна ставня подалась, и в окне показалось искаженное страхом лицо немецкого офицера. Но тут к Нине Ивановне, бравшей под навесом солому, подбежал сторож сельсовета.

— На, дочка, держи!

Нина Ивановна ощутила в руке что-то холодное.

— Я бы и сам, да силенок нехватит. Ты бросай, бросай! — пояснил сторож.

Это была граната. Учительница вспомнила студенческие годы, военные занятия и, размахнувшись, швырнула гранату в окно.

... Колхозники рассказывали нам, что тело Нины Ивановны нашли через два дня на кар-

тофельном поле. Раненая, она из последних сил поползла в темноту. Осколком гранаты был убит и сельский сторож. Две других учительницы исчезли. Может, они ушли к партизанам, а может, их замучили немцы. Говорят, что двух каких-то женщин они поймали у самого фронта.

Из немецких офицеров никто не ушел. Все погибли от огня и гранаты, брошенной учительницей Ниной Ивановной Криворучко.

В. Антонов

«Известия» от 11.X-41 г.

ИЗ КОГТЕЙ ЗВЕРЯ

В начале июня этого года, приехав к брату в отпуск, я застала дом, в котором прочно сжились радость и благополучие. Советская власть наделила измученную семью бывшего батрака панской Польши землей, дала возможность участвовать в строительстве новой жизни. Брат, шесть раз сидевший в польской тюрьме за подпольную революционную работу, стал одним из организаторов коллективного хозяйства. Дети учились.

И вот в эту счастливую жизнь ворвался ураган войны.

...Днем мы уехали из пограничного села. Только двинулся поезд, над нами появился вражеский бомбардировщик. Он посылал в поезд бомбу за бомбой. Все выбежали и спрятались в рожь. Но из ржи поднялись немногие. Снизившись, самолет прошел над нами бреющим полетом и полил рожь свинцовым дождем.

Оставшиеся в живых решили ехать дальше. Ехали на открытой платформе. Вскоре появился вражеский самолет. Фашистский летчик видел,

что следует состав с женщинами и детьми. Именно разглядев, кто едет, он стал сопровождать нас, время от времени снижаясь, чтобы расстреливать из пулемета. Потом мы начали длинный пеший путь по лесам и болотам, в брод через речки, в обход вражеских ставок, на огни горящих деревень. Но тут пришлось встретиться с врагом лицом к лицу. Нас окружили и повели в лагерь. Трое суток мы просидели под открытым небом. Ни разу за это время нам не дали поесть. Если кто-либо поднимался, чтобы пойти за водой, ударом палки по голове его заставляли снова сесть.

Взрослые мужественно переносили лишения и издевательства. Мы поняли, что находимся среди зверей. Но как было объяснить это детям, как заставить их не сосать свои исхудалые пальчики, не говорить непрерывно о хлебе, не смотреть такими голодными, просящими, почти безумными глазами?

Вдруг немцам, видимо, пришлось круто—стало не до нас. Караул сняли, и мы отправились куда глаза глядят. Немного спустя нам повстречалась группа людей, тоже вырвавшихся из плена. Они имели еще более измученный вид. Над этими людьми глумились особенно зверски. После трех дней голода перед ними рассыпали кучу сухарей, но прикоснуться к ним не разрешили. Потом по сухарям пустили танкетку, под гусеницами которой они превращались в пыль, смешивались с землей. Лишь после этого пленным разрешили сгребать мешанину в горсть и кушать.

В пути женщины крепко сдружились между собой. В нашей группе были четыре женщины и сперва трое детей, а затем родилась еще де-

вочка. Мать рожала буквально на ходу, боясь остановиться, попасть на глаза немцам. Мы несли ее и ребенка, прятали их в зарослях.

В одной из деревень нам довелось быть свидетелями страшной картины. В крестьянскую избу ворвались немцы и стали требовать пищи. Женщина, плача, доказывала, что все уже разграблено, а единственная оставшаяся свинья нужна для трех малышей, не имеющих хлеба. Через минуту дети остались без матери. Ее убили на глазах у ребят.

Мы шли, стараясь укорачивать отдых, и, наконец, увидели наших. Родные, близкие нам лица, любимые, храбрые бойцы!

Нас накормили, дали возможность отдохнуть, залечить потертые ноги, переобуться. Затем на лошадях довели до железнодорожной станции. Мы раз'ехались по разным городам. Кто в Ярославль, кто в Башкирию, я—в Москву на свой родной завод. Все мы уносили в своих сердцах ненависть, несокрушимый гнев, лютую вражду к варварам, вторгшимся в нашу жизнь и сеющим разрушение.

Смерть, смерть им, проклятым и обезумевшим!

Екатерина Стойко

Работница завода им. Л. М. Кагановича.

«Труд» от 7.IX-41 г.

СОВЕТСКАЯ ДЕВУШКА! ВОТ ЧТО НЕСЕТ ТЕБЕ ПРОКЛЯТЫЙ ФАШИЗМ!

Когда ты ходишь по советской земле и тебя окружают родные советские люди, тебе кажется невероятным, как это так: тебя, свободного человека, равноправную советскую девушку, и вдруг сделают бессловесной тварью, рабыней не-

мецких офицеров и солдат! Ты работаешь, учишься, пользуешься избирательным правом, изобретаешь, творишь, ты можешь так же, как и мужчины, быть инженером, доктором, скульптором, агрономом, председателем колхоза, мастером, тем, кем ты захочешь быть. И вдруг тебе скажут: нет, ты должна быть рабой, служанкой немецкой сволочи. Это дико!—скажешь ты.—Я не хочу об этом слышать. Это—страшно. Я не хочу об этом думать.

Слушай и думай, девушка, рожденная на советской земле, знающая только по книгам, по рассказам матерей о тяжелых цепях, в которые была закована целые столетия русская женщина.

Да, дико и страшно. Но ты думай, советская девушка, о том, что тебе несет гитлеризм. Слушай, думай и делай свои выводы, если не хочешь потерять счастья, которым владеешь.

Мерзавцы уничтожают твоих подруг

Девушкам Минска, Слуцка, Борисова, Любани тоже казалось это невероятным. Но немецко-фашистские мерзавцы ворвались в эти города, открыли притоны, публичные дома, под конвоем приволокли девушек и женщин. Самых красивых и юных для офицера. Остальных — для солдат.

В Минске такой публичный дом открыт днем. Там заперто 300 наших советских девушек. Плач, стоны, крики несутся из этого дома. А ночью оттуда увозят замученные, задушенные трупы. Страшно? Да, это страшно. Но ты знай об этом, советская девушка. Знай, как гитлеровские подлецы, убийцы, развратники «уважают» честь девичества.

С тобой, которая читает эти строки, они хотят поступить так же. Они хотят растерзать,

оплевать твое юное тело, задушить тебя. Ты говоришь: равноправие, вуз, творчество, свободный и радостный труд... А фашисты хотят все это у тебя отнять. Девушки в деревне Синевка тоже были счастливы и мечтали о еще более прекрасном будущем. А гитлеровские преступники связали их вместе, шесть жизнерадостных сельских девчат, связали вместе веревками и раздавили бронемашинами. А когда слышался хруст девичьих костей, эти изверги хохотали!

В селе Мединова слобода Житомирской области немцы расстреляли двух твоих подруг только за то, что они не хотели стать любовницами фашистских офицеров. Третья не вытерпела и дала пощечину офицеру. За эту пощечину ее разорвали в клочья. За эту пощечину разорвали в клочья ее отца, мать, всех ее малолетних братьев и сестер. А когда людоеды ворвались в село Алексеевку Бобринецкого района Кировоградской области, они устроили пьяную оргию и потребовали, чтобы все алексеевские девушки пришли к ним.

«Не пойдем! Лучше смерть, чем бесчестье», — сказали девушки. Пьяные фашисты устроили облаву, нашли четырех девчат и расстреляли их. Схватили юную сельскую учительницу и закололи ее.

В одной деревне согнали всех девчат на площадь и приказали:

— Разденьтесь до гола! Пляшите!

Ни одна из девушек не двинулась с места. Расстреляли сволочи!

В другой деревне, в Холтомино, пригнали на офицерскую попойку лучших певуний:

— Пойте нам!

Молчали девушки. Петь этим гадам! Они

убивают наших отцов, братьев, женихов, а им петь! Молчали. Растерзали их двуногие звери.

В деревне Быковка немецкие изверги изнасиловали двух комсомолок.

— Негодяи, — крикнули девушки гневно, — вы физически сильнее нас, но все равно вашего Гитлера рано или поздно повесят!

Застрелили этих двух девушек подлецы...

Девичество! Да разве уважают девичество те, которые своих же немецких девушек волокут на случайные арийские пункты и заставляют сожительствовать с проходимцами? Разве уважают девичество те, которые насилуют подростков — девочек, почти детей?.. А они это делают, эти садисты! Недавно в деревне Милютино они схватили 13-летнюю Настю Давыдову, изнасиловали, изуродовали и потом убили.

Представляешь себе истерзанное тело этой Насти, советской школьницы, девочки, слышишь ее крики, плач... Это страшно, девушки! Да, это страшно. Но знайте: вот так же они хотят поступить с вашими младшими сестрами.

Фашисты убивают детей

Стыд, позор, растление, болезни, кабалу несет гитлеризм девичеству. А материнство? Может быть, эти прохвосты отступают перед святым словом «мать»? Ведь у каждого из них есть своя мать. Нет, должно быть, у гитлеровца, вспарывающего кинжалом живот беременной женщины, нет матери, или он забыл об этом, или его родила не женщина, а волчица. Но и волчица приучает своих зверенышей беречь матерей. А это, это выродки! Они схватили в одном украинском поселке кормящую мать, отрезали ей груди, наполненные молоком для ребенка, натерли раны солью.

— Я не могу этого слышать!—вскричала в ужасе одна московская девушка, зажав уши. Да, этого нельзя слушать без содрогания, сердце леденеет... Но ты слушай, советская девушка. Открой свои уши и слушай, потому что так они хотят поступить с твоей матерью, потому что так поступили бы с тобой, если бы ты кормила родное свое, любимое дитя.

Гитлеровцы, ворвавшись в деревню Подпутье, схватили беременную женщину Андрасюк и стали над ней глумиться: прикладывали к ее щекам зажженную папиросу, кололи ножницами в шею.

— Что вы делаете, мучители! — вскричала женщина, — разве вы не видите, что я жду ребенка?

Они рассмеялись ей в лицо и прокололи штыком ее живот, в котором уже двигался человек.

Гитлеровцы бомбят родильные дома, детские ясли, детские сады. Они с самолетов расстреливают малышей. В городе Петрикове они набросились на молодую учительницу Кустанович, которая несла на руках своего грудного ребенка, бросили этого ребенка в костер. Пламя охватило маленькое, беззащитное тельце. А изверги в гитлеровских мундирах в это время насиловали мать пылающего в огне ребенка.

Вот что они несут материнству, эти человеческие выродки. Они крадут даже материнское молоко! В оккупированной Латвии кормящие матери не имеют права кормить своих детей грудным молоком. Согласно чудовищному приказу рижской комендатуры они обязаны являться на специальные пункты, где у них при помощи молокоотсосов отнимают молоко и потом в

обработанном виде посылают это материнское молоко в Германию.

Помогай борьбе против гитлеровцев

Свободная, гордая советская девушка! Ты знаешь что тебе несет гитлеризм. Расскажи об этом всем своим подругам, расскажи об этом своей матери, своей младшей сестре.

Не успокаивайте себя, девушки, жительницы глубокого тыла: «Эти звери бесчинствуют в далекой от меня Синевке, а ко мне они не придут, я далеко от них, мы победим врага, кончится война, и везде снова все будет хорошо...».

Да! Победа придет. Фашистская зараза будет сметена с лица земли. И мир свободно вздохнет. И все будет хорошо... Но победу надо завоевать. Борьба сложная, тяжелая. Надо помогать родине, фронту, мужчинам. Родина в опасности. Или свобода, жизнь, или кабала, бесчестье, позор. В этих боях за победу принадлежит тебе, советская девушка, не последнее место. Пусть каждая девушка поймет до конца, какая опасность грозит ее свободной жизни, равноправию, творчеству, будущему материнству, будущим детям.

Всякий раз, когда ты читаешь в газете или слышишь от очевидцев о том, как гитлеровцы превратили в невольницу советскую девушку в каком-нибудь городке или селе, которое временно попало в их лапы, скажи себе:

— Скоты! Это они меня хотят превратить в свою рабыню!

Ты слышишь, что фашисты раздробили череп маленькому грудному ребенку, бросили в колодец пятилетнего мальчугана, повесили на пионерском галстуке школьника, скажи себе:

Экземпляр

— Убийцы! Это они моего младшего брата, мою сестренку хотят убить. Это они с моим будущим ребенком хотят так поступить!

Ты слышишь, что немецко-фашистские преступники раздавили танком старую незнакомую тебе женщину. Скажи себе:

— Изверги! Вот так они хотят расправиться с моей матерью!

Ты слышишь, что они схватили пленного раненого красноармейца, раскаленным железом вырезали на его теле звезду, закопали живым в землю, скажи себе:

— Это они с моим любимым другом, с моим братом хотят так поступить!

Сожми еще крепче кулаки, молодая дочь советского народа! Пусть еще ярче горит ненависть в твоих глазах к фашистам. Но этого мало. Донеси свою ненависть до сердца каждой советской девушки, девочки, старухи. Борись с благодушием, борись с паникой! Будь организатором порядка, настоящим борцом. Пусть каждая дочь советского народа работает еще лучше, самоотверженнее, организованнее, пусть каждая знает, что над ее независимостью, над ее свободной жизнью занесена коса смерти. Пусть каждая советская женщина и девушка своими собственными руками, своим трудом помогает уничтожить проклятых гитлеровцев.

Елена Кононенко

«Комсомольская правда» от 11.X-41 г.

Отв. за выпуск *М. Котов* Корректор *Л. Маранова*

Подписано к печати 21/X 1941 г. Уч.-изд. 1 л. Печ. 3/4 л.
Знаков в б. л. 97500.

НГ8488. Заказ 2979. Тираж 20.000. Цена 15 коп.

Саратов. Типография издательства „Коммунист“.

312743

